

Живое Авторское Слово

Мосты времени

Альманах

Татьяна Евгеньевна Помысова

Мосты времени. Альманах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28953600

ISBN 9785449026835

Аннотация

Стихи и проза современных авторов на животрепещущие темы никого не оставят равнодушными и найдут своего читателя. Альманах серии «Живое авторское слово». tanya@pomysova.ru

Содержание

Татьяна Помысова	8
Тонкий лёд	8
Где же тот мост?	10
Новый год	17
Стихи мои – дыхание мое	18
Я давно поняла	19
Мне кажется, что ты сейчас не спишь	20
Сон	21
Зимний дождь	22
Мурзик	23
Без тебя	25
Дипломатическое	26
Душа устала	27
Снимается кино	28
Считать патроны	29
Спи	30
Не любовь	31
Пустое	32
Слов ручеек	33
Мое сердце	34
Ночь	35
Аморальное	36
Случайная строка	37

Лишние слова	38
Умение остановиться	39
Взрослеют не с годами	40
Давайте перейдем на Вы	41
Невоплощенное	42
Памяти Сергея Лазарева	43
Одностишия	44
Не в свое болото	46
Когда я люблю	47
Вот чистый холст передо мной	48
Гордыня	49
Такая красивая любовь	50
Жизнь – игра	51
Живите	52
Старый новый год	53
Новогоднее	54
Василий Геронимус	55
Утлые дощечки	55
Отзвенели в саду...	56
Едет поезд во мрак осенний	58
А усталому сердцу немного нужно	60
Цепи логики рушить...	62
Сквозь пургу	63
Одолела меня неземная тоска	64
Марина Сорокина	66
Время Барселоны. Путешествие по городу	66

с Сальвадором Дали	
«Счастье – ангел с печальным лицом».	81
Модильяни	
Зоя Вифлеемская. Рождественская притча для взрослых	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Мосты времени

Альманах

Фотограф Татьяна Евгеньевна Помысова

Редактор Татьяна Евгеньевна Помысова

© Татьяна Евгеньевна Помысова, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-2683-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мосты Времени

Альманах «Мосты времени» задумывался, как сборник о мостах: самых обычных, о мостиках из нашего детства во взрослую жизнь, о мостах, ведущих к развитию, о мостах от одного сердца к другому.

Первоначальное название сборника «Мост из Хаоса в Гармонию».

Именно эта тема была озвучена авторам литературного сообщества «Живое авторское слово» для написания текстов в сборник. Когда я начала изучать присланные авторами стихи и прозу, я вдруг поняла, что вновь переживаю детство и юность, радость обретения и горечь потерь... Так появилось новое название «Мосты

времени».

Дорогой Читатель, надеюсь, этот сборник подарит тебе приятные часы, проведенные за чтением. Глубокого тебе погружения!

**Составитель сборника, Татьяна Помысова
tanya@pomysova.ru**

Татьяна Помысова

Тонкий лёд

Приходит один раз мама домой с работы, а её двух дочурок, Тани и Светы, дома то и нет. А должны быть. Таня уже взрослая, ей семь лет и она – первоклассница. Свете пять лет, тоже уже вполне самостоятельная девочка. Таня после второсменки бежит забирать сестричку из садика, двадцати минут должно хватить на сборы, переодевание и дорогу домой, благо детский сад – с торца дома. Нога об ногу идти пять минут, а если бегом, то две. Мама заволновалась, мобильных то еще не было. Накинула курточку и в подъезд, а там уже в дверях квартиры напротив стоит соседка и держит за руки девочек в чужих колготках и рубашках. Одна ревущая, вторая оправдывающаяся. Соседка сдала девочек с рук на руки маме и принесла мокрую одежду. Пальто, колготки обеих девочек были мокрые, как будто только что постиранные. Понятное дело, сначала рассказала свою версию происшедшего соседка. «Почему так бывает, что они даже не присутствуя на месте происшествия всегда знают совершенно точно, что там произошло? Как такое возможно?» – недоумевала Таня. «Вот откуда тетя Лариса знает, что именно она, Таня, позвала Свету побегать по льду на стройплощадке, пока

есть время и мамы нету дома? Ведь, могла и Света забрести в лужу и упасть. Скользко ведь, резиновые сапожки скользят по подтаявшему ледку, хоть он еще и крепкий». «Сижу, смотрю в окно – бредут две мокрые курицы, одна по пояс мокрая, вторая – по грудь. Выскочила, завела их к себе, раз ты еще на работе. Переодела в Вовкины рубашки и колготки, уж какие нашлись. Покормила. Заодно и послушала, что произошло», – рассказывает маме тетя Лариса. Стройка находится за садиком, совсем даже не по пути к дому. Это Таня решила проверить крепость льда на траншеях, вырытых еще с осени под деревья, да так и оставленных в зиму. Таня наступила на лед, попрыгала на нем, потом за руку потянула Свету, чтобы она тоже попрыгала на пружинящем ледке. Результат оказался плачевный. Обе провалились. И хорошо, что яма оказалась неглубокая – по пояс семилетней девочке. А ведь могло быть и хуже...

Последнее, что слышала тетя Лариса, уходя домой, как Таня доказывала маме, что она проверила лед – прыгала же на нем, раз он её выдержал, то тем более, он выдержал бы и маленькую Свету!

Хорошо то, что хорошо кончается...

Где же тот мост?

Зачем ей все это было надо?

Все эти странные, такие разные внешне и такие похожие друг на друга по своей сути, мужчины...

Она вспоминала свою самую первую влюбленность, не детский сад, где у неё был «жених», которому она носила груши. Не первый класс, когда её посадили не с Андрюшей, а с другим мальчиком – Витей, которому нравилась она и он всячески оказывал ей внимание, а ей не нравилось, что он картавил, что он плакса и она дралась с ним тихо и яростно. По-детски безжалостно, до крови, за то, что он дергал за косички, за то, что он отдирал заклепки с её сапожек, сползая рукой по её ноге. Первая влюбленность случилось примерно в третьем классе. Это был старший брат её друга первоклассника Сереги, с которым она лазила по крышам и деревьям

Андрей был старше на два года и учился в пятом классе. Она охотилась за ним, как рысь за жертвой. Ей так хотелось его увидеть, что она находила всяческие поводы попадаться ему по пути. Самое яркое воспоминание из того времени – она узнала, что Андрей поехал в парк на велосипеде, подговорила его младшего брата Сергея пойти в овраг, через который проходил мост, ведущий в парк. Андрей на обратном пути увидел их и спросил, что они там делают в овраге. Она покраснела, ей показалось, что он догадался, что она высле-

живала его. Просто, чтобы увидеть. Ему и в голову не могло этого прийти. И Сергею – тоже. Он совсем не ожидал встретить своего старшего брата, когда скакал по мокрым, скользким камням в овраге. Ему тоже было интересно, что же они с ней делают в овраге. По дороге домой она плела братьям какие-то сложносочиненные истории...

Один был влюблен в неё, в другого была влюблена она

Много позже, когда Андрей уходил в армию, он приехал к ней на велосипеде. Они ехали, она на раме, он сзади и она спиной чувствовала его грудь. И запах спиртного. Перед этим друзья и родственники провожали его в армию. Он её так и не поцеловал. А ей уже этого было и не надо. Ей нравился другой. Андрей после армии начал пить, пару раз неудачно женился, до неё доходили слухи от соседей. Однажды, в один из своих приездов в Городок, она встретила его. Он был нетрезв и не узнал её. Он стал совсем мужиком, а у неё на руках был двухгодовалый сынишка. Потом она совсем потеряла его из виду. В двенадцать лет ей нравились два одноклассника, Саша и Дима. Саша – борец интеллект, странное сочетание. Он был очень закрытым, его считали странным и едким, ироничным. Наверное, она была единственной девочкой в классе, которой нравился Саша. На физкультуре его ставили страховать её, когда она прыгала через козла и он больно и крепко хватал её за руку после прыжка. Она стремилась поскорее выдернуть руку. Кажется, все девочки нравились ему одинаково. Дима, та-

кой обаятельный и разговорчивый, обаял её рассказами. Их быстро рассадили и её увлечение закончилось, слишком ему нравились другие девочки, более развитые физически, которые обнимались с ним, а на вечеринках, наверное втихушку с ним целовались. Когда она ехала от бабушки со старшим двоюродным братом и его другом, в поезде они сидели на одной лавке и парни посадили её между собой, она вдруг почувствовала, что ей хочется, чтобы друг брата поцеловал её. Она закрыла глаза, притворилась спящей, положила голову ему на плечо и уткнулась носом ему в шею. А сердце ухало и не давало ей заснуть. Потом, когда они приехали, он взял её адрес, чтобы писать ей письма, но уже на третье его письмо она не ответила. Он приехал и пытался встретиться с ней, четырнадцатилетней девицей, но она так и не нашла для него времени, чем вызвала его гнев. А ведь и был всего один поцелуй. Неправильный. Ей не понравилось и влюбленность прошла сама собой. Еще был Володя. Пятилетняя любовь её. С ним связано столько приятных воспоминаний, первые поцелуи, объятия. Началось все на бальных танцах. Он был другом её партнера. Сидел и ждал их, после репетиции. Они танцевали самбу, у неё сломался каблук, бывает такое со старенькими танцевальными босоножками. Она упала. Володя подбежал к ней и взял её на руки. Она упиралась и говорила, что с ногой все нормально, а он кружил её. И смеялась, смеялась...

На Новый Год у них был концерт, в котором участвовал

их коллектив. Её родители уехали в другой город, строго настрого велев ей ночевать у тети

После концерта они пошли к ней, так и встретили Новый год без шампанского, с парой яблок, нарезкой колбасной и чаем. Потом они начали целоваться, это было как удар током. Она почти теряла сознание. Час прошел или пять, время куда-то пропадало, когда они были вместе. Не могла прикоснуться к нему первой. Еще не знала, что может быть и другая близость. Либо запреты были сильны. А он и не просил. Его тоже ударило током и он после поцелуев и прикосновения к ней бледнел и менялся лицом. Такое сумасшествие привело к тому, что они ушли из ансамбля – их не поставили в пару. Он был выше её на двадцать сантиметров. Слишком большая разница. Зимние стояния в подъезде, у батареи. Каждый хлопок входной двери заставлял их отскакивать друг от друга, а потом опять она ныряла к нему под шубу. Четыре года счастья. С близостью и без физической близости. Сейчас ей это непонятно, но по накалу страстей уже никогда потом так не было

Они расстались. Он уехал учиться в другой город, они встречались, пока она заканчивала школу, потом абитура. Её поступление, она приехала на пару дней в город, чтобы повидать родителей перед первым курсом. Володя сделал ей предложение. Она отказалась. Ей казалось таким важным поступление в ВУЗ. Родители хотели, чтобы их дочь получила высшее образование. Новая самостоятельная жизнь ри-

совалась такой радужной. А что он? Просидел под её балконом ночь. Она смотрела на него из-за шторы, но уже так и не спустилась. Потом был первый курс. Девочки вылетали одна за другой, кто по беременности, кто по неуспеваемости. Она воспринимала мужское внимание, как должное, не спеша ни с кем сближаться. Увлечения носили поверхностный характер. Ей понравился парнишка из параллельной группы, ниже её на полголовы и моложе на год. Они уходили в учебку, технический вуз требовал усиленной работы. Она уставала быстро и засыпала, положив голову к нему на колени. Он так и сидел по три часа не двигаясь, боясь разбудить её. Она не делала ни одного шага к близости. Видимо, ему это надоело и он начал отдаляться от неё. За ней начал ухаживать её одноклассник. Вернее, она не догадывалась, что он ухаживает. Звал её в учебку, они садились на заднюю парту и решали задачи по вышке. У неё не ладилось с математиками. Ни с одной. Непонимание вызывает быструю сонливость. Он отрезвлял её, высовывая в окно с третьего этажа – дышать свежим воздухом. Какое уж тут ухаживание? Потом, она завалила экзамен, а он сдал. Пришел к ней попрощаться перед отъездом к родителям. Она сидела такая несчастная, все сдали, подруга уехала домой, а у неё переекзаменовка через неделю. Неожиданное его возвращение – он сдал билет на поезд, вечерний и взял билет на самолет. Из-за неё. Она удивилась и обрадовалась его появлению. Вдруг ей представилось, что это её муж стоит перед ней. Наверное, тогда они

и поцеловались первый раз

Потом было много прогулянных пар, армия, поездки к нему, после армии – он захотел жить с ней вместе. Двадцать лет – почему нет. В этот же вечер он остался у неё. Физическая близость ей не понравилась. Всё, что было до этого было намного лучше

Потом, много позже, они смогли приноровиться друг к другу, уже после свадьбы. Она начала получать удовольствие от секса и четко знала заранее, с кем она хотела бы быть. Это помогало ей отказываться от предложений жаждущих её тела мужчин. Их было и есть достаточно. Когда она приехала с сыном домой к родителям и увидела Владимира, вдруг поняла, что еще живы чувства к нему. Ходила мимо его окон и боялась увидеть его глаза. Долго это длилось. Они даже встретились однажды на детской площадке, она зачем-то отдала ему его письма и фотографии. Не могла забыть его и все перемалывала в голове, что было бы, если бы...

А ничего. Есть только то, что есть. Брак был долгим. Подростал сын. Не всё устраивало обоих, горячие разборки, менее теплые примирения, постепенное охлаждение друг к другу... Его отправляют работать в другой город, он становится воскресным папой. И так четыре года. Она с сыном подростком научилась жить одна, обеспечивать себя и сына, отвечать за обоих, не рассчитывая особо на поддержку мужа. А муж приехал на новый год и остался. Сказал, что будет

теперь работать дистанционно...

Так получилось, что её службу сократили и они двадцать четыре часа в сутки проводили вместе, бок о бок. Она сломалась. Уехала в другой город. Отношения с мужем, как с родственником, стали более спокойными, потеряли остроту. Куда-то пропала ревность и раздражение на него. Даже в отпусках стали ездить вместе. Но только в отпусках. Длительное время, проведенное с ним возвращало прежние отношения, она изменилась, а он нет. И он все время пытался вернуть её в прежнее русло, а она уже утекла. Начала выбирать себе странных мужчин, моложе, либо тех, кто не мог ей ответить взаимностью. Зачем эта изжога выбора? Эта безнадежность и безверие? Это нежелание нормальных отношений между мужчиной и женщиной. Внутренний мужчина, что же ты так мучаешь?

Так хочется гармонии... Где же найти тот единственный мост к ней?

Новый год

Ждешь его, ждешь, а он приходит, всегда внезапно накатывается, как танк, несется неудержимо по твоей земле всегда с салютами, залпами, конфетти и бенгальскими свечами...

И, конечно, с подарками. А ты никогда не знаешь, что там в этих подарках, завернутых в шуршащую, холодную бумагу со снежинками, перевязанную атласными лентами...

Будет занято очередное место на полке?

Что там за его стремительной поступью...

Ведь уже может быть и ничего...

И белой завистью завидуешь детям, они всегда видят Деда Мороза, даже если у него папина улыбка и ботинки...

А ты всё чаще и чаще видишь в нем клоуна. И хорошо еще, если Белого... Но чаще – Рыжего, колючего и насмешливого именно к тебе. И хочется изо всех сил крикнуть ему «Уходи! Оставь мне хоть малость старого!

Мне не нужно нового счастья, прошу оставить старое!»

Но разве танк услышит крик отдельно взятой женщины?

Стихи мои – дыхание мое

Стихи мои – дыхание мое
Легки, как вдох и выдох, как белье
Что к телу льнет, и не бывает ближе
Того, кто чувствует, как сердце дышит
И слышит миг, в котором просыпаюсь
Молчит и смотрит... Тихо улыбаюсь
А за окном ступает Новый год
Счастливые мгновенья вспоминаю...

Я давно поняла

Я давно поняла, мне себя не спасти,
Нужно было начать может лет с тридцати,
А сейчас поздновато, не комфортно душе,
Когда сердце прессуют, лучше тело уже.
Лучше бегом заняться, или чем там еще,
Утром раньше подняться и поплавать лещом.
Ну а душу – оставьте, ни к чему тренажер ей.
Пусть смеется и плачет. Вам не все-равно? Эй!

Мне кажется, что ты сейчас не спишь

Мне кажется, что ты сейчас не спишь...

Пишу свои рифмованные строчки

А ты их ждешь, читаешь и молчишь

Как хорошо, у WORD-а четкий почерк

У WORD-а да, у мыслей моих – нет

Клубками заплелись за междустрочья

А Королеве нравится Валет

И сны её он разрывает в клочья

Сон

Прекрасный сон закончится под утро...
В нем горы, чистый воздух и вода
Сияет небо нежным перламутром
И рядом ты, почти что навсегда
А ночью в небе звездная дорога
Меж снежных гор светла и высока
Плывет по небу белая пирога
Сон унося. И пот течет с виска...

Зимний дождь

Зимний дождь – то слезы о тебе
И конец несбывшейся надежды
Ты прошел пунктиром по судьбе
Ангелом бескрылым белоснежным

Мурзик

Спят котята в плюшевой корзинке
Песни им мурлычет кошка – мать
Лишь один запрятался в ботинке
Не желает Мурзик рыжий спать
Я его увидела случайно
Выдали глазенки и усы
Раз такой ты смелый и отчаянный
Дам тебе кусочек колбасы
Поиграем фантиком бумажным —

Как же из ботинка-то достать?
А потом я рыжего отважно
Забрала на улицу – гулять!
Мурзик мой на улице не струсил
Не царапал руки, не кусал
Бегал за веревочкой из бусин
Только от собаки убежал
Что мне делать, я теперь не знаю
Котик мой на дерево залез
Я – за ним, но он опережает
Чувствует, что я сержусь, балбес
Рыжий, все равно тебя поймаю!
За тобой по веткам заберусь
Он сидит, глазенками сверкает
Думает, я первая свалюсь

Так бы мы сидели долго-долго...
Хорошо, что папа шел домой
Снял меня и Мурзика бейсболкой
Я – в углу и рыжий кот со мной

Без тебя

А без тебя – душа навзрыд
Рыдает, ропщет, говорит
Сама себе противоречит —

Тебя клянет и жаждет встречи...
Душа такая окаянная
Живая и непостоянная
Понять её ты не пытайся
Принять сумеешь – возвращайся!

Дипломатическое

Я смелая, но не настолько
чтобы всю правду рассказать
Всю, не дозируя по долькам,

ведь проще жить и не страдать
А вы все рвете нараспашку
свою последнюю рубашку
Зачем вы все сказать хотите?
Вы мне лукавите, простите...
Мне ваша правда не нужна
Я без неё о вас все знаю
Могу – люблю и понимаю
пока есть тайны тонкий флёр
И для фантазии простор
Цинизма горького не нужно
где нет любви, там нет и дружбы
Есть масса разных отговорок —

причин для спора и разборок
И есть обычные слова: да – да,

нет – нет, как дважды два
Без лишней лжи легко и просто
где правды нет, там нет и роста...

Душа устала

Я могу написать рассказ
Про него, про себя, про вас
И про них, про ночную смену
Доказать вот ту теорему...
Все избито и так знакомо
Как забытая та аксиома
что давно проходили в вузе
«Она любит – значит – обуза»
У второго – мёд по усам
любит он и обуза сам
Слишком просто: понял – молчи
а расскажешь – так все пропало
Слёз булыжники на кирпичи
Но душа не любить устала

Снимается кино

Туда, где мы были уже не вернуться
Гремели бои, пили кофе из блюдца
и в рации громкий вели разговор
кому и что делать, обычный колор...
И все как всегда, то жара, то гроза
И дубль за дублем, и пота слеза
Но бегало рядом рыжее солнце...
Глаз его серых верните оконца.

Считать патроны

Считать патроны и стволы не надоело?
Пока не ляжет на столы Душа без тела
Ты не проснешься от забот,

седой мальчишка
А был ты рыжим! Рыжим был!
И даже слишком...

Спи

Молчаливое присутствие, спи.
Даже темень бывает рыжей
Между солнцем и дома крышей
Облакастую радость расти.
Чтобы чувствовать то, что выше
Звёзд и неба. И в ухо дышит.

Не любовь

Не любовь. Присутствие. Привычка.
Гвоздь в стене и дырка от гвоздя.
Пальцы пробежались неприлично...
Отблеск счастья и тепло плеча.

Пустое

Когда один ослеп и счастлив этим,
Второго разве нужно ослеплять?
О том что радуга и солнце светит,
Второй лишь и сумеет рассказать.

Слов ручеек

Слов ручеек то бурный, то усталый
Несущий воду, вкусную тебе.
Вдруг пересох... Вода есть и в каналах.
Но пресная, как герпес на губе

Мое сердце

Мое сердце болеет вами.
Я лечить его не хочу.
Напевает в минорной гамме,
Раздувает любви свечу.
Да пожалуйста. Заблуждайся.
Жди его на свою беду.
Лишь стучи, не черствей, не кайся.
Я с тобой на ладони иду.

Ночь

Зимние ночи снежные.
Сонные, ватные, нежные,
Потные, волглые, злые.
Спинами к спинам. Пустые.
Ладно, пусть они будут.
Я ведь лечу простуду,
Чтобы к весне своей новой
Стать от тебя здоровой.

Аморальное

Представь, что я тебя учила языку.
И в этом ничего, что было неприличным.
Предмет мой на тебя лишь нагонял тоску,
Но все, что про язык, ты выучил отлично.

Случайная строка

Случайная строка в пространство улетела
Любовной эсэмэс к тому – кому нет дела
Случайная строка похожа на пропажу
На жемчуг дорогой, что в скупке на продажу
Останется теперь одна, без ожерелья...
Другой откроет дверь внезапного доверья
Случайная строка! Лети по небу чайкой
До радуги – пока не станешь неслучайной...

Лишние слова

Самый страшный грех-слова пустые,
Те, что чувств с собою не несут.
Сладкие, но лживые такие.
Или злые – больно обожгут.
Разрывают душу окаянные,
Не смогла в себе их удержать.
Самое большое достояние —
О хорошем и плохом молчать.

Умение остановиться

Нам дается в жизни так много!
Окружают родные лица
Но встречается страсть в дороге
Очень трудно остановиться
Детство с мудростью бьются насмерть
И «хочу» побеждает «надо»...
Ты мудрее, ты не ответил
А ответил – спала бы рядом
Не виню, не хочу виниться
Мы ведь люди всего лишь, не Боги
Не всегда можем остановиться
Если встретится солнце в дороге

Взрослеют не с годами

Взрослеют не с годами, с расставаньями...

У каждого из нас есть свой предел
Есть опыт и желание новых знаний
Но до конца дойти не каждый захотел
Спокойнее и проще встать на месте
Нарисовав черту, принять за ров
Стоять и ждать знамений и известий
Себя хвалить, что ты «мол, не таков»
Хвались и стой. Теперь уже не важно
События, как воды утекли
И парусник твой с корпусом бумажным
Не обогнёт уже моей Земли

Давайте перейдем на Вы

«Давайте перейдем на Вы» —

Друзья, вы это проходили?

Когда фонтаном кровь пустили
лишь вам страстей вселенских львы, Которых сами
и взрастили, Кормили, холили, любили
И ждали слово «ДА» в ответ.

Но вот не получилось. «Нет».

Невоплощенное

Не хожу по страницам- я по людям хожу. И любимые
лица без конца ворошу. Не забыть, не проститься,

Так в себе и ношу заблуждений петлицы И любви
анашу.

Памяти Сергея Лазарева

Ушел ещё один, устав сопротивляться.

Родителями, богом позабыт.

Надежный друг, умеющий смеяться.

Но наша память дружбу сохранит...

Одностишия

Когда друзья перестают друзьями быть, уже не плакать
хочется, а выть...

*

Смеюсь я над наивностью своей: чем старше становлюсь
я – тем глупей

*

Оставив тет-а-тет своих друзей, не возвращайтесь, будьте
чуть умней

*

Почаще надо бы напоминать, что для себя я – друг, отец
и мать

*

Собака – только ты любить умеешь
А люди – далеко им до тебя

*

Надежду обмануть любой сумеет, Она сквозь слёзы
радуется лжи

*

Вернись. Я жить вне замков не умею

*

А во мне до тошноты – ты.

*

Без крыльев я, но видишь, я летаю
От боли, от желаний, от огня

*

Боль очищает, что ни говори

*

Раз больно мне, так значит – я живая

*

Как бы мне хотелось стать невидимой. Но когда я невидима – я страдаю ещё больше

*

Я говорю с тобой, как со священником

Не могу говорить, но чувствую в этом потребность

*

Спасибо, Бог, что смотришь на меня!

Не в свое болото

Не в свое болото не лезь,
даже если умница и красавица.
Любой кулик проявит спесь,
если поймет, что нравится.

Ты же лебедь белая, розовое фламинго Отпусти
и пошли его.

Пусть летит, бинго.

Когда я люблю

Когда я люблю, у меня не бабочки в животе, а как ни странно, огромные в голове тараканы. Тарахтят и ползают по мне, жить мне мешают. Говорят «бери его!»,

он об этом мечтает. Подхожу, чтобы взять. Но как непросто! Он в другую влюблен, а она выше ростом! Он молчит мне в ответ, или говорит, что страдает. И нужна ему бестаракановая, другая.

У нее все, как в красивой мечте: и еще у нее бабочки в животе.

Вот чистый холст передо мной

Вот чистый холст передо мной.
Его руками глажу я,
Как кожу теплую твою.
Вот, появляется огонь.
Я начинаю нас творить.
Кистями пассы совершу
И пальцами потру легко,
Холст вздрогнет, содрогнется весь,
Ответив так же мне, как ты.
...и лишь тогда родит шедевр.

Гордыня

Люди предают и забывают.
Забыванье – это дар от бога.
Я на них сержусь, потом прощаю.
Пусть живут, мы все порой убоги.
Нам всегда прощенья не хватает.
Станьте и к другим великодушны.
Слово злое душу убивает,
А язык бывает непослушным.
На слова, прошу, не обижайтесь!
Усмирите едкую гордыню.

Плачьте, спорьте, но не замыкайтесь. Будьте
тонкошкурны и ранимы!

Такая красивая любовь

Встретились случайно. Повезло...
Может быть, помог стакан вина. Закрутило, засосало,
унесло.

Кольца, свечи, радости мошна.
Как случилось, что не сберегли
То, чем Бог на счастье наделил?
Наблюдал за парочкой с земли,
А детей давать им не спешил.
И большой любви им стало много...
И один сломался, и вспылil.

Разбежались два творенья Бога, На смирение
не хватило сил.

Радуются денежной работе,
В новых семьях создают уют.
Души их, погрязшие в болоте,
Почему так плохо, не поймут.
Нет в любви пространства для гордыни. И тельцу там
тоже места нет.
Им бы просто попросить о сыне,
И принять дар Божий, как обет.

Жизнь – игра

Все правильно. Жизнь так беспечно
Рассыпала бусами нас
Раз мы еще живы – мы вечны!
И каждый – рубин и алмаз!
Мы счастья встречаем так много
И горе, и тягости лет
И боль, и утраты в дороге
Любви остывающей свет
Мы просим, чтоб длилась подольше
Заветная эта игра
И в храмах целуем всё мощи
С молитвой любви и добра
Доверчивые, словно дети
Рожаем на счастье детей
Мы чиним любви своей сети
А все – ради жизни своей

Живите

Живите с чувством и без расстановок!
Шагайте в бездну, падайте ко дну!
Любите! Лишь любовь не взять сноровкой...
Но жизнь не в жизнь, когда вас оттолкнут. На сердце ком
и воздуха так мало
А тело выгибается в дугу
Глотка любви всего-то не хватало
Сгораешь в заколдованном кругу
Глаза в глаза, в пульсацию объятий
И – в грудь не помещается душа!
И лик один желанен, и приятен
И жизнь невыносимо хороша!

Старый новый год

Я все знаю. Нас обманули.
Две недели украли зачем – то.
Но потом, застыдившись, вернули,
И тем самым лишили нас темпа.
Я не верю новому году.
Старый он. Обрубает хвосты.
Даже снег и мороз нам в угодую
Выдают к Рождеству, увы.
Шанс второй нам – начать год сначала,
Разве это не лучший подарок?
Две недели разве так мало?
Соглашайтесь. Время настало.

Новогоднее

Мерцает свет гирлянды новогодней
Качаются и плаваются зрачки
От долгожданной встречи той
Сегодня
Ведем себя с тобой, как новички
И кажется, никак не надышаться
Еловым ароматом и тобой
Пусть будет то, чему дано начаться
Что было предначертано судьбой.

Василий Геронимус

Утлые дощечки

Закроюсь от чужих влияний
на все замки, на все запоры
Хранят сиянье жизни втайне
глубокие лесные норы
Ещё надёжнее могила
укроет от мирских вторжений
Для сердца затеряться мило
в глуши незнаемой осенней
И всё же утлые дощечки
туманно бледным штрих-пунктиром
храня знакомые насечки
лежат меж мной и бурей-миром

Отзвенели в саду...

Отзвенели в саду соловьиные трели
сумасбродным каскадом весёлого мая
И томительный треск лихорадочной дрели
донимает обои, мне душу измаяв
Отдаётся в ушах удивительно долго
кубатуру до резкости верную строя
И крепчает как чувство служебного долга
как янтарно-сухая имперская хвоя

В инструктаже немало весомого толку
только я не пойму, по-мальчишески глупый, как удобно
приладить на плоскости полку, где разумно ввернуть для
порядка шурупы
Но заметны в контрасте с парадной скучищей
проявляясь прозрачней пустой стеклотары
и надменно упрямой законности чище
до истерики ясные сердца удары

Не сочтите меня за хрипатого психа, хоть я странным
кажусь. Но на самом-то деле в сердце, малой взрывчатке,
что действует тихо
больше силы невидимой, нежели в дрели
Так, волна, в разрушение доходит до края
душу пеной обдав потрясаяще белой
Дорогие мои!.. лишь всерьёз умирая

можно в жизни хоть что-то прекрасное сделать

Едет поезд во мрак осенний

Едет поезд во мрак осенний
между сосен мелькают дачи
От поверхностных наслоений
очищаться в сердечном плаче
Прав Есенин: мы в мире тленны
в скучном блеске мы лишь туристы
И мешает шум современный
постижению извечных истин

Но поток очищая крови
от рутины берёзы лечат
Начинается Подмосковье
и становится сердцу легче
От мертвящего пресса прессы
километры гурьбой спасают
Я расхожие интересы
утомлённой душой не знаю

С кем я – с теми вот или с теми?
сколько всюду живёт двуногих!
Я общаться готов со всеми
выбирая совсем немногих
В кулуарах больших компаний
без предвзятостей понимают
подражанье пожару – манию

беспокойных моих исканий

Сохранив друзей телефоны
я от фона всласть отрешаюсь
В тишине отдалённой зоны
на берёзах я помешаюсь
Не грущу об истекшем лете
всё не вечно в театре мира
Ускользаю в глухие нети
от блестящих пустых кумиров

А усталому сердцу немного нужно

«Несмотря на глухую осеннюю слякоть
укрепляют дороги всё лучше и лучше» – продолжая
в эфире проворно калякать
сообщает по радио бойкий ведущий
Этот малый отчётливо словоохотлив
доходя силой доводов до идиотства
сообщает со вкусом в эфир анекдот ли, говорит ли
о способах собаководства

Но души моей мертвенной не растревожит
и смотреть не заставит на вещи иначе
не растрогает нервы до лиственной дрожи
массовик, в актуальной блестя передаче
А иной будет просто потерянно мекать
плоской логики доски спеша отфутболить
но проймёт мощью слова всего человека
до рябиновой ряби, до внутренней боли

Почему убедителен косноязычный?
Если честно, родные, узнать, разобраться
проявляя упрямство в нелепице зычной
он умеет до сердца порой достучаться
Много ль проку, скажите-ка, в лоске наружном
и в томительно ярком потоке явлений?
А усталому сердцу немного нужно

только клёнов баgreц, только иней осенний

Цепи логики рушить...

Цепи логики рушить упрямо и храбро
устремляться туда, где раскованно дышится и берёз
своевольная абракадабра
твердокаменных доводов разума выше
Нет, надменный рассудок отнюдь не всемогущ
основ поучительной алгебры ветхих
вырастая узорочьем тонких извилин
серебристая роща раскинула ветки

Пусть верёвками схем и опутаны все мы; сквозь
слепые препятствия к свету пробиться
опровергнуть пустые наружные схемы
в светоносную ересь берёз углубиться
Между крохотным мной и огромной вселенной
неизменно протянуты лёгкие нити
Ткань осенних берёз тишиной сокровенной
бестолковое сердце поэта магнитит

Сквозь пургу

Сквозь пургу, сквозь густую хвою
едет, едет усталый поезд
мы навечно одно с тобою
в тишине и в ненастном вое
Разгоняясь, несётся поезд
броско в осень блестя огнями
Верю, нас неизбежно двое
в небесах и в житейской яме
Пни, заборы мелькают мимо
тряский поезд ход набирает
Наше поле неразделимо
в кон бессмертию, сердце знает

Одолела меня неземная тоска

Одолела меня неземная тоска
я до хрипа охвачен глухим листопадом
Указательным пальцем крутя у виска
мой сосед называет меня психопатом
«Протомил меня холод осенний. И что ж? —
совопрснику я отвечаю, покашляв — В ежедневных
делах неудобный как ёж
в самом деле, я видом немного дурашлив»

Ощетинившись, как подобает ежу
я на мыслях о космосе замкнут всё чаще
Я от мудрых бумаг прямиком ухожу
в серебристую осень диковинной чащи
Ах, родные! колючей вселенной тоска
посильнее фантазии самой богатой
Никаким навигатором не отыскать
мои ветром изрытые координаты

И очерченный выше мой хмурый сосед
слабый след мой когда-либо вычислит вряд ли: он
квартирным вопросом истерзан и сед потому он бывает
порой непонятлив
Я потерял в предместьях. Моё естество
прихотливой своей траектории верно
В жилы тонкие изжелта красных листов

я вникаю в беспамятстве пристально нервно

Марина Сорокина

Время Барселоны. Путешествие по городу с Сальвадором Дали

Бессмертному гению С. Дали

«Думаю, мне ничем не легче было родиться, чем Творцу – создать Вселенную. По крайней мере, он потом отдыхал, а на меня обрушились все краски мира»

Сальвадор Дали

Барселона, когда, наконец, я отпущу на волю свою печаль? Прощу и отпущу всех, неверного возлюбленного и предавших друзей. Нет, всё не то и неправда, я давно всех отпустила, и Бог послал мне подарок – свободу. Но я ослушалась его, и не простила. И Бог оставил мне печаль. Я живу с ней. Этот факт совсем не страшный, можно жить с ним вполне. Я много сочиняю, стихи, например. Делаю картины из цветного стекла, витражи. Чего я только не делаю, чтобы научиться жить с этой печалью. Но главного, я не делаю: не прощаю. И сейчас, постараюсь сделать главное...

Я стояла на улице Пасео де Грасиа, испуганно рассмат-

ривая оригинальный дом Мила или «Педрера», признанный во всём мире шедевром гения. Дом Мила действительно оказался хорош. Гармония движения...

Благодаря волнообразному очертанию фасада, дом как – будто перемещался, плыл и не стоял на месте. Дом вызвал мой восторг, но немного напоминал мне остров «Моби Дика». А вокруг меня, каменный город гудел и рокотал своей непокорной громадой. Машины проносились мимо с громким рычанием. Барселона пугала меня. Совсем невысокие дома казались исполинами. Все чувства были обострены. Неожиданно, мой взгляд приковал элегантный мужчина. Он шёл, по ярко освещённой солнцем улице Барселоны, что – то напевая, и поигрывая тросточкой. Когда он поравнялся со мной, я поняла, что он не просто элегантен, а почти неприлично экстравагантен, эпатажен и обескураживающе грандиозен...

Шествовавшему мимо меня джентльмену на вид, лет сорок – сорок пять, а может немного больше. Каталонцы выглядят очень молодо, даже в солидном возрасте. Рост он имел средний, но худощавое телосложение джентльмена, делало его высоким. На нём был чёрный костюм в крупную полосу и лаковые туфли. Туфли меня поразили, такие носили лет сто назад. Белоснежная рубашка выгодно оттеняла смуглую, матовую кожу его красивого лица

Но более всего меня поразили усы прохожего, они были очень длинные и подкручены вверх такими чёрными

стрелами. Он видел производимое его персоной впечатление и был крайне доволен этим вниманием. Элегантный джентльмен прошествовал мимо, и на мгновение мне стало невообразимо грустно от того, что он уходит, но он, как – будто прочтя мои мысли, резко повернул голову в мою сторону, и мы встретились глазами. Его – были миндалевидные, карие, томные, глаза испанского идадьго. Кстати, наши глаза похожи. Я имею такие же карие и томные глаза...

В моей внешности странно проявились испанские черты лица, да и в темпераменте моём так же, есть характер этого славного народа. Джентльмен направился ко мне – Добрый день, синьора, – улыбнулся прохожий

Я ответила на приветствие – Разрешите представиться, Сальвадор. – Произнёс синьор на испанском языке. Меня этот факт немного смутил, и я спросила его, не говорит ли он по-французски

Сальвадор утвердительно кивнул. И мы перешли на язык великого Расина – Моё имя, Мария. Я русская. – Продолжала я, испытывая смущение, под взглядом его томных, карих глаз

«Как радуют сердце
Глаза той Прекрасной Дамы
самой прекрасной Дамы
что я называю Гала»,¹

¹ Сальвадор Дали

– улыбаясь, глядя в мои глаза, говорил Сальвадор. – Я так и думал! Русские женщины восхитительны, дорогая синьора. Моя жена, Гала, тоже русская. Вы совсем не похожи. Но я сразу узнал в вас русскую. Разрешите показать вам Барселону. А я иду из портняжной мастерской «Mosella», шью у них одежду на заказ – Я была очень рада этому предложению, потому что совсем растерялась одна, в этом каменном городе. Мне было очень одиноко. Нет, я лукавлю. Главная причина – этот эпатажный, экстравагантный и непостижимый Сальвадор. Он притягивал меня, как магнит – Что хотели бы вы увидеть в нашем городе, в первую очередь? – Спросил меня мой новый знакомый – Я хочу увидеть Гауди, храм Святого Семейства. Я прилетела сюда, чтобы увидеть Гауди – Странно, а Сальвадора Дали, вы не хотели бы увидеть в Барселоне? – улыбаясь, говорил синьор – О, да, конечно, мечтаю увидеть работы Дали. – лепетала я. – Хорошо! В путь! Собор Саграда де Фамилия достоин внимания. Я восхищён им не меньше вашего

«Это первый галлюциногенный архитектор в мире»². – Но, слишком много башен. – Громко крикнул Сальвадор

Некоторые прохожие испуганно оглянулись. Но увидев его, они радостно заулыбались. Один молодой человек почтительно снял шляпу – Вижу, вы пользуетесь уважением ваших сограждан, – заметила я. – Да, я имею некоторую по-

² Сальвадор Дали

пулярность в Испании, думаю, и за её пределами, – улыбнулся Сальвадор. И мы медленно двинулись по каменным улицам Барселоны. Вот и район Эшампле. Мы увидели башни Саграды де Фамилия, они взметнулись над городом. Немыслимые башни – колокольни, напоминающие песчаные замки. И на каждой колокольне сверху вниз расположен девиз – «Hosanna Excelsis». (Слава Всевышнему). Собор предстал перед нашими очами, такой неожиданный, многословный и цельный одновременно. Такой нелепый и гениальный. Воистину

«Он создал орган для господи!»,³ – я процитировала поэта. Мы приблизились к выходящему на Север фасаду «Рождество». Я взглянула наверх и у меня возникло странное чувство, что каменная громада сейчас обрушится нам на голову. Гигантский фриз с каменными скульптурами жил своей жизнью. Многочисленные статуи святых как – будто двигались среди каменных деревьев, растений, наклонялись в молитве, возносились. Каменная громада была такой объёмной, выпуклой, что бросала вызов силам тяготения. Центральный вход, разделённый колонной, венчала скульптурная группа «Святое семейство»

Сальвадор, увидев мой восторг, произнёс только. – «Мы – художники, как и любой зритель, синьора. Наш взгляд, сердце и разум, наполняют творение мастера, жизнью»⁴

³ Гарсиа Лорка

⁴ Сальвадор Дали

Они, эти мастера, приоткрывают людям тайны Создателя. Тайны гармонии. Вы художник Мария, я сразу это понял. Я хотел бы показать вам свои работы. Вы готовы к путешествию в мир искусства Сальвадора? – Конечно, синьор. Я готова. Но меня что-то пугает и настораживает в вашем предложении

Сальвадор, сурово глядя на меня, произнёс – «Я рисую картины, которые заставляют меня умирать от удовольствия. И я стараюсь рисовать их честно»⁵

Затем он задумался и сказал, смеясь – «Итак, я не принимаю наркотики, я и есть наркотик»⁶. Он притягивал меня, как магнит, синьор Сальвадор. Он взял меня за руку. И мы отправились в путь. Мы едем в Кадакес. Сейчас прибудет мой кадиллак... – Тихо произнёс синьор Сальвадор. Бесшумно подъехал автомобиль. Роскошная машина, надо вам сказать! Сальвадор, увидев мой восторг, решил порассуждать об авто – Я люблю элегантные вещи, – говорил он. – Мой «Кэдди», уникален. Таких машин только пять в мире, только пять...

Один принадлежал президенту, второй – великому Гейблу... Я вношу волшебство в любой предмет, к которому прикасаюсь

Как – то раз, я сделал эскиз машины для компании General Motors, я назвал авто Cadillac de Gala. Только имя моей Гала

⁵ Сальвадор Дали

⁶ Сальвадор Дали

могло отразить грандиозность идеи. Но они даже не ответили мне. В то время я находился в отеле Святого Реджиса

Недолго думая, я взял почтовую бумагу, и изобразил «утраченный Кадиллак», с фиолетовой, металлической драпировкой. Мой кадиллак! Драпировка полностью должна была покрывать автомобиль, оставались открытыми только окна – Помню эту картину, – прокомментировала я. Сальвадор удивлённо поднял брови и продолжал – Через один или два года, General всё – таки выпустила автомобиль Cadillac de Gala. «От моих идей и фантазий в этой машине осталось только имя моей жены. Они заплатили мне штраф. И прислали вызывающее письмо о том, что модель автомобиля, они могли бы назвать именем какой – либо лошади. И я разумно ответил, – вряд ли, их фирма имеет письма от лошадей»⁷. Синьор Сальвадор весело засмеялся – Но я мечтаю осуществить свою идею. И надеюсь, мы прокатимся на таком авто, дорогая Мария. О чём я? Наверное, просто голоден. Вы не хотите перекусить, я приглашаю вас в ресторан. Надо подкрепиться перед дорогой. Я никогда не могу предвидеть хода своего нелепого поведения. «Больше того, конечная развязка моих действий поражает меня первого»⁸.

Я совершенно забыл обо всех своих делах на сегодняшний день. Я увлёкся вами. Вы чрезвычайно привлекательны, дорогая синьора. Мы идём в ресторан «La Orotava!» – Крикнул

⁷ Сальвадор Дали

⁸ Сальвадор Дали

синьор Сальвадор. Дверь кадиллака распахнулась, водитель вышел из машины, и пригласил меня в роскошный «Кэдди». Авто поплыл по улицам Барселоны. Сальвадор сидел на переднем сидении, гордо смотря вдаль. Я же с радостью рассматривала в окно авто, дома, деревья, людей

Город перестал казаться мне таким чужим и холодным. Город принял меня в свои объятия, он начал понемногу открываться мне. Воистину! Мы познаём мир через людей. И великий импровизатор, синьор Сальвадор показывал мне свой город

«В семь лет я мечтал стать Наполеоном»... – Неожиданно изрёк синьор Сальвадор. – «Пикассо говорил мне: Искусство – дитя сиротства и тоски, другие пишут свою жизнь. Я пишу картины»⁹. Мы прибыли в ресторан к обеду, он был полон народу. Многие посетители радостно приветствовали Сальвадора. Таинственные испанские дамы томно улыбались, глядя на синьора Сальвадора. Они обмахивались веерами, пряча свои прекрасные лица, показывая только бархатные, дерзкие глаза – Что мы будем, есть, сударыня? Конечно омаров или крабов. И. я обожаю маленьких креветок. «Они отображают некую философскую идею: носят костяк снаружи, и хранят под панцирем нежную мякоть. Я могу, есть только то, что имеет явную форму. Скажем, я не могу, есть шпинат, только потому, что он бесформен»¹⁰, – громко

⁹ Сальвадор Дали

¹⁰ Сальвадор Дали

говорил Сальвадор, рассматривая меню

Омары и белое вино были восхитительны. Я расслабилась, мне было очень хорошо рядом с синьором Сальвадором. Его эксцентричность не пугала меня. Напротив, в нём ощущалась необыкновенная сила и свобода. В ресторане играла музыка. И несколько пар медленно кружились в танце. Я ждала приглашения на танец, от моего спутника. Но так и не дождалась его. Я была немного разочарована, и выразительно посмотрела на спутника, но он отвёл глаза – Не время, в путь, дорогая синьора, – сказал Сальвадор. Мы покинули «La Orotava». Дорога в Кадакес мне показалась длинной. Сон одолел меня, и когда я проснулась, то увидела море, синее, гладкое, бесконечное. Море ворвалось в мою душу и заполнило её радостью. И я смотрела и смотрела неотрывно на эту синюю громаду. Тёплый ласковый ветер доносил запахи цветущих средиземноморских растений. Они пахли слаще мёда – Запахи рая, – сказала я. Сальвадор кивнул в ответ. Он любовался морем. Дом был невысокий и очень светлый. В таком доме должен работать мастер

«Художника должны окружать растения, которые будут вдохновлять его на занятия живописью»,¹¹ – комментировал синьор Сальвадор, глядя как я люблюсь на его цветы. Сад благоухал. Особенно, меня поразили цветы граната

«В кудрях у Гвадалквивира

¹¹ Сальвадор Дали

Пламенеют цветы граната
Одна – кровью, другая – слезами
Льются реки твои Гренада»... —

Сальвадор пафосно продекламировал поэта Лорку – Гарсиа Лорка лучший друг моей беспокойной юности. До сих пор живёт во мне тягостное чувство из – за смерти Лорки. Прояви, я больше настойчивости... Я должен был увезти тогда его из Испании. В то время я писал большую поэму «Я ем Гала». Я не отдавал себе отчёта, что ревновал её к Лорке. – печально изрёк Сальвадор. А как вы, дорогая Мария? Больше всего меня привлекает в вас то состояние полубоддрствования, в котором вы прибываете. Вы грезите наяву... Это хорошо для художника. Но сложно для жизни. У вас есть мужчина? Такие женщины должны быть под защитой. – Сальвадор посмотрел на меня с нежностью. Я, поддавшись порыву, положила руки ему на плечи. Но он мягко отстранился, и сказал. – «Гала – единственная моя муза, мой гений и моя жизнь. Без Гала я никто»¹². – Да, она великолепна. И я, на меньшее, не согласна. Ваша любовь к ней вызывает восхищение, мастер, – ответила я. Нас никто не встретил в доме, и я была рада этому. На стенах висели холсты, графика... Первая картина, которая меня поразила, была «Леда». В ней небо не соприкасалась с морем. Как – будто, можно просунуть руку между небом и морем

¹² Сальвадор Дали

И ни один персонаж не касался другого. Я долго стояла у «Атомной Леды», пока пределы этой картины не стала раздвигаться, и меня охватило ощущение неба. Потому что оно не сверху, и не внизу, оно у нас в сердце. Обнажённая «Гала – Леда» восседала на троне, нет, она парила в этом голубом небе. Лебедь находился слева от Леды – Леда прекрасна, – прошептала я. Сальвадор услышал, и улыбаясь, молвил. – «Выбирая себе жену, художник должен помнить о совершенной форме оливки»¹³. – Обратите внимание, дорогая Мария, на заднем плане изображён пейзаж на Коста Браво. Я писал картину в Америке, и безумно скучал по Испании. Она снилась мне каждую ночь – Я всё думала о своём, глядя на Леду – Леда прекрасна и спокойна, но я люблю в ваших картинах смелость. Я никогда не была свободна в своих работах. Какой отвагой надо обладать, чтобы так выражать свою любовь и свои мысли! Видимо, я никогда не любила так, и не могла говорить страстно в своих работах о мире, – говорила я синьору Сальвадору – Всё впереди, дорогая Мария, я начинаю открывать вам свои «Магические пятьдесят секретов мастерства». Секрет первый: «у художника должно быть пять различных кистей, каждой из которых он работает совершенно особым образом»¹⁴.

И синьор Сальвадор стал давать мне уроки. Он показывал мне свои рисунки, посвящённые «Секретам мастерства».

¹³ Сальвадор Дали

¹⁴ Сальвадор Дали

Прекрасные «Обнажённые», где женская плоть перерастала в музыкальные инструменты или в «кусты роз»... – И очень важно, «Использовать в перспективе, золотое сечение, чтобы полученные результаты навевали лёгкую грусть». – Учил Сальвадор. Он долго рассказывал мне свои пятьдесят секретов, и очень странно закончил. – «Об ангеле»¹⁵

Тогда, мы подошли к «Тайной вечере» мастера. Сальвадор печально произнёс. – «Спасибо Гарсиа Лорке, который однажды сказал мне, что апостолы симметричны, как крылья бабочки»¹⁶. И я запомнил это – Вам удалось создать молитвенные образы, синьор. Вы любите великого Леонардо, так же, как и я. Но только стены зала, где сидит Иисус, вы сделали прозрачными, в отличие от Да Винчи. Но жест Спасителя, как на картине Леонардо, указывает на небеса. И на Святого Духа? Ваш Христос, как – будто обнимает весь мир. Почему только его лицо вы показали зрителю? – Воздух и свет картины вливаются в мир. – Вы говорили, что я грежу наяву. А вы? Но ваш холст похож на сон и на явь одновременно. В нём столько надежды, синьор. Ваши апостолы спят, синьор Сальвадор? Ведь Иисус просил их не спать во время молитвы... – Спрашивала я. Но мастер молчал, он вёл меня к другой картине... – Время скоротечно, дорогая Мария. А вот мои часы. Картину я назвал «Постоянство памяти», можно назвать её «Твёрдость памяти». Время скоро-

¹⁵ Сальвадор Дали

¹⁶ Сальдор Дали

точно, и скоро мы должны будем расстаться, Мария. Вы говорите, что я сильный и мужественный, но я бессилен перед часами времени. В мои часы постучалась вечность. Ваше время плавится и уходит... Наши часы неумолимы. Только «Мягкие часы» показывают точное время! Как ни смешно это прозвучит, но идея пришла ко мне, глядя на плавленый сыр! Вы любите Камамбер, синьора? Да, да, я всегда шучу. Не грустите, милая, мы непременно встретимся

Он мне показывал картины. И он всё время молчал, как перед долгой разлукой. А потом, мы пили вино на террасе, и смотрели на синее море

Ночью, мне снились сны. В них высокое, безоблачное небо не соприкасалось с морем, а животные и люди парили в пространстве, нарушая законы гравитации. В этих снах из граната рождались хищные, огромные тигры, они нападали на меня. Я была обнажена, и парила, плыла над морем и землёю. Но страх не сковал мою душу

Я просто пыталась проснуться. Меня разбудила пчела, которая назойливо жужжала над ухом. Я рассказала сон синьору Сальвадору, и он попытался объяснить мне его – Это ваша душа путешествовала в мир желаний. И эти персонажи действительно и материальны, как этот морской пейзаж за окном. Мы так мало знаем о мире наших снов, – говорил он. – Но это невозможно. Это только грёзы. – Ответила я, зная, что Сальвадор говорил правду

В этот день мы отправились в Барселону.

Мы стояли на дороге, и я всматривалась в безоблачный пейзаж. Только голубое, ясное небо и жёлтая земля. На горизонте показался фиолетовый «утекающий Кадиллак». Когда автомобиль поравнялся с нами, я увидела, что в нём находится Гала. Она вышла из машины, в чёрном, строгом костюме, в шляпке. Как всегда, элегантная, стройная, гибкая... Гала обратила на меня свои карие, печальные глаза

«Джоконда Сальвадора,» – подумала я, глядя на Гала. Она протянула мне узкую руку, затянутую в перчатку и произнесла, – я рада встрече, синьора

Потом мы стояли и долго смотрели на горизонт... Наконец, увидели на фоне лазурного неба белого, летящего коня, за ним шествовали слоны на длинных, тонких ногах с шатрами и факелами на спинах

«Моя живопись – это жизнь, и пища, и плоть, и кровь. Не ищите в ней ни ума, ни чувства»¹⁷, – говорил синьор Сальвадор, ликуя: «Смотрите, синьора Мария. Вы не могли поверить, что они существуют. Вы видите!»

Затем, Сальвадор взял за руку Гала и направился к своему кадиллаку – «Моя победоносная богиня Гала Градива, моя Елена Троянская»¹⁸, – пел синьор Сальвадор. Он смотрел на жену, глазами полными обожания. Моё сердце дрог-

¹⁷ Сальвадор Дали

¹⁸ Сальвадор Дали

нуло

И ещё, на прощанье, он сказал мне. – Вы должны верить в чудо, синьора Мария, иначе, жизнь художника бессмысленна. Создавайте...

Вдруг, мне сделалось очень одиноко. Я смотрела вслед уходящей паре, я не хотела с ними расставаться – А как же мне простить моё прошлое? Как мне жить с этим? – Кричала я им вслед. Гала оглянулась, и посмотрела в мои глаза, как в душу. Она сказала. – А и не надо жить прошлым. Просто будьте счастливы, Мария.

«Счастье – ангел с печальным лицом». Модильяни

Борису Зинкевичу

«...Он был учтив, но это не было следствием воспитания, а высоты его духа...

И часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами...» А. Ахматова

Санкт – Петербург. Академия

Город зажег ночные огни, Борис. Мы идем по улице Пестеля из рисовальных классов. Мы художники. Дневной свет померк, город зажигает уличные фонари. Огни везде. Они отражаются в Фонтанке, как в черном зеркале, они множатся. Мокрый асфальт светится цветными бликами. Лица людей освещены ночным светом, они улыбаются нам, потому что мы счастливы. Потому что мы очень молоды. Борис одет в черный, бархатный пиджак, он очень экстравагантен, он очень похож на молодого Модильяни. А собственно, Модильяни всегда останется только молодым. И грустно, и хорошо от этой мысли. Борис среднего роста, с «головой Антиноя»¹⁹. Он изящно сложен, обладает магнетическим мужским оба-

¹⁹ Анна Ахматова

янием, именно поэтому, он так любим. Но это совершенно не важно. Борис, художник от Бога, он живописец. Он может написать гениально натюрморт тремя красками. Мы подходим к Литейному проспекту, вереница блестящих машин с зажженными фарами несется мимо нас по дороге

Что можно сказать о счастье? Это, когда ты хочешь обнять весь мир, когда ты растворяешься в нем, и чувствуешь его пульс, как свой. Вот дом Мурузи и Поэт приветствует нас, он смотрит в окно, он машет нам рукой. Потом разворачивается и уходит, читая картавым, певучим голосом свою поэму

«Ах, улыбнись, ах, улыбнись, во след махни рукой
Когда на миг все люди замолчат
Не далеко, за цинковой рекой
Твои шаги на целый мир звучат...»²⁰

Борис обнимает меня за плечи и целует в губы. Наши шаги звучат «на целый мир».

Париж. Улица Фальгьер, 14

Моди вышел из особняка дома Фальгьер, что расположился на пустыре Монпарнас. Сегодня весь день шел дождь, Моди с наслаждением вдохнул сырой воздух, «В дождь Париж расцветал, словно серая роза»²¹. Он остановился, и прислу-

²⁰ Иосиф Бродский

²¹ Максимилиан Волошин

шался к шуму тяжелых капель. Затем, долго смотрел на бегущую по тротуару воду, и неожиданно для себя, запел итальянскую песню. Он был счастлив сегодня. Моды оглянулся на небольшой серый дом, в котором поселился не так давно. «Розовая вилла», подумал он, и улыбнулся. Да, когда – то она была розовой. Моды открыл большой, черный зонт и быстро пошел по направлению к бульвару Сен – Мишель. Он спешил к Анне. Эта русская была прекрасная и неожиданная, совсем непонятная для него. «Моя египтянка» – говорил Амедео, глядя на неё. Последние недели он неотступно думал о ней. Весь день, он работал над своей скульптурой. А когда взошло солнце, он снова принялся за дело. И «стук его молоточка был слышен в начале улицы»²². Его каменный портрет, смотрел с усмешкой на него миндалевидными глазами. Или так показалось ему? И ведь он не пил вина сегодня...

Эти каменные портреты, как наваждение. Высота. Его резец и кисть всегда стремились к высоте. Высота неба, высота духа. Она, его дева, его муза имела этот лик. В портрете все линии были мягкие и вытянутые, они были сжаты в одну форму, только короткие волосы, как ветер или крылья вырывались из этой замкнутой сферы. Солнце осветило портрет, и он изменился, как меняется человеческое лицо от падающего на него луча света. «Египтянка», – произнес Амедео. И каменное божество приоткрыло свои глаза. Он по-

²² Анна Ахматова

лил скульптуру водой, и смотрел, как капли стекают по лику. Амедео решил оставить работу. Он зашел в свою комнату. На столе стояла початая бутылка красного вина. Он налил себе большой бокал, посмотрел на его пурпурно – красный цвет. И залпом выпил. Он хотел придать себе уверенности. Моди подумал, что сегодня ничего не ел, он попросту забыл о еде. Ночью кашель не мучил его, и он чувствовал прилив сил. Пора. Она приехала, и она ждала его. А их встреча сияла для него рассветом чувств и вдохновения.

Санкт – Петербург. Осенний вечер

Мы идем по осеннему городу. Я, Борис и Подруга. Она заглядывает ему в лицо все время, как – будто ищет ответа. Влюблен ли он? А ответа нет. Все время нет. Кого может любить Борис? Только живопись он может любить. И никому этого не понять, кроме меня, я думаю. Потому, что я люблю Бориса и живопись одинаково. Я не делаю различия между ними совершенно. И Бориса я люблю так искренне, как жизнь, как этот город, как скажем, Амедео Модильяни. Я люблю его чистоту и бескомпромиссность. Он отчаянно честен и в жизни, и в своих работах. Художника можно любить только так. Мы в мастерской Бориса. Это вытянутая, прямоугольная комната, в углу стоит мольберт, на нем работа, написанная тремя красками, и гениально. Борис открывает бутылку красного вина и мы пьем его. О чем мы говорим? Бог весть о чем, мы очень молоды. Ни о чем. Но он знал всегда

цель и смысл беседы. Я всегда только так думала о нем. Подруга в тот вечер смотрела неотрывно на его красивое лицо. Она осталась в его темной комнате. А я иду одна по улице. Я иду домой, навстречу блестящим ночным огням и своему будущему.

Париж. Кафе Ротонда

Он увидел Анну год назад. Женщина была совсем юная. Она имела высокий рост и хрупкое сложение. Лицо матовое, бледное, горбоносое. Огромные светлые глаза удивляли своей печалью и сосредоточенностью. Их представили друг другу приятели. Модии склонился и поцеловал её руку. А потом поднял прекрасную, кудрявую голову и заглянул в её очи навеки. В глазах Модии вспыхнули «золотые искры»²³, а их встреча была «Как укус звенящей осы»²⁴.

Анна прибыла в Париж с мужем в тот год. Амедео и русская виделись очень редко. После их встреч Модии писал ей в Петербург всю долгую зиму. – «Вы для меня, как наваждение...»²⁵ Через год она приехала. Анна здесь, его «царственная» и таинственная русская. Они условились о встрече. Модии сидел в кафе «Ротонда», ожидая её. Сегодня Модии был очень красив, он надел светлые, бархатные куртку и брюки, а темные, блестящие волосы зачесал назад. Его большие глаза с золотыми искрам, сияли. Он решил немного переку-

²³ Анна Ахматова

²⁴ Анна Ахматова

²⁵ Амедео Модильяни

силь, потому что не помнил, когда ел в последний раз. Здесь были низкие цены, всего за десять су можно было поесть прекрасный луковый суп. А зимой, в кафе, прекрасно топили печи. Кафе «Ротонда» напоминало другие кафе Парижа. Днем, в «Ротонде», собирались разные люди. Клерки торопливо пили свой кофе, извозчики весело переговаривались, заходили случайные прохожие...

В глубине, за стойкой, находился небольшой зал. Вечером, здесь собирались художники, поэты, музыканты... Модисидел за столиком у окна курил, и наблюдал за прохожими

Вот появилась она, Модиторопливо встал и пошел навстречу. Анна обняла его, погладила по голове, приговаривая, «У него печальное свойство, даже в сон мой вносить расстройство»²⁶. Амедео остановил её руку и поцеловал – Куда мы идем? – Спросила она. Моди улыбался, – мы идем ко мне. Он открыл большой, черный зонт, чтобы укрыть её от дождя. И они устремились по мокрому тротуару бульвара Монпарнас. Синий, плотный туман города как – будто поглотил их. В мастерской на улице Фальгьер, куда Амедео привел Анну, не было электричества. Они долго искали свечи. Модиторопливо зажигал спички.

«Три спички, зажженные ночью одна за другой
Первая – чтобы увидеть лицо твое все целиком
Вторая – чтобы увидеть твои глаза

²⁶ Анна Ахматова

Последняя – чтобы увидеть губы твои
И чтобы помнить все это, тебя обнимая потом,
непроглядная темень кругом»²⁷.

Моди подошел, с зажженной спичкой, совсем близко к Анне и она ощутила его дыхание. Наконец, он нашел свечи. И когда свет их осветил комнату, Анна вздрогнула

Все стены были увешаны его холстами, они надвигались на неё со всей своей силой. Они показались ей огромными: портреты с напряженными, печальными глазами, большие обнаженные, белеющие длинным телом. Она взяла свечу и долго смотрела на картины – Так много работ за один год, – сказала она. Амедео отвечал, смотря на неё очень внимательно: «Приступы напряженной энергии охватывают меня целиком. Но потом проходят. Что – то плодоносное зарождается во мне и требует от меня усилий»²⁸. «Прошлой зимой мне было так плохо, что я не мог думать о самом дорогом...»²⁹ – Ты думала обо мне все это время? – Он налил бокал красного вина и протянул ей. Анна отпили глоток из бокала и поставила его на стол. Затем, она подошла к Модии, положила руки к нему на плечи и поцеловала в губы долгим поцелуем любви.

²⁷ Максимилиан Волошин

²⁸ Амедео Модильяни

²⁹ Анна Ахматова

Париж. Улица Фальгьер, 14

Утром Моди проснулся очень рано. Солнце уже встало. Анна спала, и он любовался ею. Он взял лист и провел линию, длинную линию её тела, уходящую ввысь, затем неожиданно остановил карандаш. Он нарисовал руки, подобные египетской богине Нут, он нарисовал их совершенно, как крылья. Правая рука была согнута в локте, на ней покоилась маленькая, темноволосая головка. Моди отточено изобразил горбатый нос, и наметил спокойные, закрытые глаза. Он нарисовал нежный живот и ноги, а потом, пунктиром девичью шею и грудь. Нут, огромная мать звезд, рождающая богов. – произнес Амедео, и отложил лист. Тогда Анна проснулась и открыла глаза.

Париж. Лувр

Через несколько дней они отправились в Лувр. Египетское искусство поражает меня, – говорил Моди. – Я хочу открыть для тебя новый мир, Анна. Посмотри на Большого сфинкса из розового гранита, как – будто ждал нас, все свои долгие годы. Взгляд каменного владыки обращен далеко, далеко. Только его большое львиное тело, с властной человеческой головой присутствуют здесь. Ты видишь, «Танисский сфинкс» все замечает и все видит вокруг. Он как – будто забрал силу божества. И я пытаюсь дать своей скульптуре дыхание и силу. Скоро я выставлю вещь у «Независимых», ты придешь взглянуть на неё. – говорил Амедео. – Здесь не сто-

ит ничего смотреть, кроме Египта, «все остальное недостойно внимания»³⁰

Амедео стремительно переходил от одной скульптуры к другой. Он показывал Анне свои любимые вещи. – Эхнатон, Анна, а на этом рельефе, он с любимой женой. Они из песчаника. Какой теплый золотистый цвет, а здесь он имеет цвет терракоты. «Все в искусстве должно стремиться к безукоризненности»³¹. – Как убрана его царица, Анна. Она похожа на тебя. Меня поражают эти божества. Они бродили по бесконечным залам Лувра, оставляя навек здесь свои легкие тени и души. Затем, Амедео, решил, что они пешком отправятся в Люксембургский сад. Прохожие улыбались, глядя на них. Они были очень молоды и счастливы. Анна, своей диковинной красотой производила сильное впечатление на людей. Модии радовался этому. Он бережно вел за руку подругу по улицам Парижа. А вокруг, город радостно гудел, как улей. Париж раскрывал свои объятия для них. Они дошли до Сены, и любовались быстрой рекой. Модии неожиданно сказал ей: «Париж меня вдохновляет, в Париже я несчастлив, но уж что верно, то верно – работать я могу только тут»³². Иногда, Анна говорила на чужом ему языке – Как жаль, что я не могу понять твои стихи на русском, – сокрушался Амедео. В саду они сидели на скамейке, и смотрели, как заходящее солн-

³⁰ Анна Ахматова

³¹ Амедео Модильяни

³² Амедео Модильяни

це отражается в воде фонтана. Моди положил голову Анне на колени, и она ласково гладила его темные волосы. Ночью, поздно, они брели по городу, лабиринтами улиц, в мелькании желтых огней, в шуме радостной и возбужденной толпы. Где – то в районе Пантеона, они с удивлением увидели за куполом, на фоне черного неба, огромный, желтый диск Луны.

Париж. Улица Фальгьер, 14

Днем, в мастерской было немного темно, и Моди зажег свечи. Он смотрел на женский портрет с лунным диском на голове, который лежал на столе. Затем он скомкал рисунок, и достал новый лист. Он выбрал изящный карандаш с мягким грифелем, и наметил карандашом женскую голову с короткой, черной челкой и таинственными очами. В них странно отразились доброта и гордость. И линией, которая шла где – то из его солнечного сплетения, он нарисовал длинное тело прекрасной женщины. Анна сидела напротив Моди на кушетке. Она не позировала, просто читала книгу. Анна подняла голову, улыбнулась, и посмотрела на Моди глазами «Танисского божества».

Петербург. Мастерская художника

За окном мастерской можно было увидеть вечерний город. Улицу освещали неяркие фонари. Борис стоял у окна, и смотрел на темный пейзаж за стеклом; на тусклые огни небольших окон, которые поблескивали с надеждой, на мок-

рый и блестящий асфальт. А ветер гнал и гнал серые облака по темному небу. Борис увидел темную, женскую тень, «медлившую под его окнами»³³. Тоненькая женщина замерла, глядя в его окна. Она увидела Бориса. Он недолго смотрел на неё, затем развернулся и ушел в комнату. Там, на кушетке, расположилась обнаженная длинноволосая натурщица. Она сверкала белым, длинным телом. Зеленые, острые глаза были обращены на Бориса. Но вскоре, ей пришлось опять принять позу, которую желал художник; Женщина на его картине сидела спиной к зрителю. На холсте, ослепительно белая, молодая женщина убирала свои рыжие волосы. Она была окружена бело – розовым воздухом так, как – будто этот воздух и соткал её. На уровне золотисто – рыжей головы, восходило Солнце, цвета её волос. Он решил, что назовет свою картину «Утро».

Утро

Анна стояла у окна своей Петербургской квартиры, и смотрела на случайных прохожих. Она поинтересовалась у горничной, не было ли писем сегодня. Анна не получала писем от Моди. Он написал ей только одно письмо, но оно не дошло до адресата.

«...Вот так же и сердце мое исчезнет
И вся моя кровь из меня уйдет
Тебя разыскивать сердце станет

³³ Анна Ахматова

Моя любимая, моя красивая
И там, где ты будешь, тебя найдет»³⁴

³⁴ Жак Превер

Зоя Вифлеемская. Рождественская притча для взрослых

Зоя слыла одной из самых красивых женщин города Вифлеема. Слава о красоте Зои, о свободе её нравов простиралась до самого Иерусалима.

Сегодня красавице снился странный, необычный сон: самая большая комната её роскошного дома неожиданно наполнилась птицами. Такие небольшие птички, похожие на соловьёв. Она их ловит, но не может поймать. Столько птичьего гомона и пения. И она решила отправиться к старой гадалке, которая жила на соседней улице. Но её планы разрушил Михаэль, новый любовник Зои, молодой и горячий. Отец Михаэля, Натан, имел богатый торговый дом, много слуг и репутацию хорошего купца. Он знал Зою и всего лишь два года назад бывал частым гостем в её доме. Но теперь сын был страстно увлечён ветреной красавицей. Михаэль обнимал сильными руками тонкий стан Зои и шептал сладкие речи:

— Ах, моя красавица! Ты и святого можешь ввести в грех. Как хороши твои золотые кудри и чёрные глаза. Я отдал бы все царства мира за твои ласки. Отец недоволен нашими свиданиями. Он никогда не допустит свадьбы, но я не могу дышать без тебя. Не гони меня сегодня.

— Какая свадьба, мой дорогой мальчик. Но... Я жду гостей

этим вечером, и если ты будешь скромен и спокоен, я разрешу тебе остаться, – молвила Зоя, смотря с насмешкой на молодого человека. Она отдала распоряжения слугам по поводу предстоящего праздника и удалилась принимать ванну, приводить себя в порядок к приходу гостей. Михаэль остался в большой гостиной и скучал, ожидая её. Когда Зоя наконец вышла к нетерпеливому любовнику, он пал ниц перед ней. Она надела платье пурпурно-красного цвета, с широкой юбкой и очень глубоким вырезом, а небрежно одетая накидка цвета слоновой кости, застёгнутая на одном плече драгоценной брошью, подчёркивала красоту красного шёлка. Многочисленные золотые украшения сверкали на точёной шее и руках кокетки. А на голове сияла диадема, подарок отца Михаэля, Натана.

Сегодня в дом Зои пришло много гостей. Прибыл Александр и его возлюбленная Зиссель, сладкая, так переводилось имя подруги Зои и так называл её любовник. Александр был владельцем многочисленных рыбных лавок в Вифлееме. Он имел жену и троих детей. Но любил проводить время с юной любовницей, эта пара часто посещала дом ветреной Зои. Также в этот вечер дом гостеприимной хозяйки посетили: хмурый писарь из суда Ашер и бледная рыжеволосая красавица Лея. Зоя заметила на пальце подруги кольцо с огромным изумрудом, глаза её сверкнули завистью. У неё никогда не было такого изумруда. Она наклонилась к уху Леи и шепнула:

– Продай мне этот камень, я дорого тебе заплачу за него. Лея засмеялась, голос её был низким и глубокий. Подумав только минуту, она произнесла:

– Я согласна. Это только бездушный камень. Я отдам деньги своей матери, она совсем выбилась из сил, поднимая братьев.

Зоя осталась довольна ответом и решила, что Михаэль подарит ей это кольцо, если же он не достанет всей суммы, она обратится к Натану.

Неожиданно на пороге появился Гавриэль, он был начальником стражи. Зоя побаивалась его, он был нечастым гостем в её доме. Но она никогда не отказывала ему в свиданиях, боясь его гнева. И потом, она должна была иметь защитника, имеющего власть.

Много, много гостей сегодня пришли в богатый дом Зои. Подавались роскошные кушанья, музыканты играли нежную музыку. Ближе к полуночи пришли лучшие танцовщицы Вифлеема, чтобы усладить своими плясками капризную публику. Зоя в тот вечер выпила много красного молодого вина. Голова её кружилась, она встала вдруг со своего трона, иначе нельзя было назвать роскошное кресло в центре стола, и закружилась в танце. Зоя сбросила богатую накидку и оказалась полуобнаженной в своём красном прозрачном платье.

– Ты царица праздника, ты самая прекрасная женщина Вифлеема, шептал влюблённый Михаэль.

– Ты соблазнишь любого мужчину, кроме святого Марти-

ниана! – вторили гости...

Зоя, раскрасневшаяся от танца, блистая чёрными лукавыми глазами, садилась в своё роскошное кресло.

– Кто этот Мартиниан? – говорила она, ловя восхищённые взгляды мужчин.

– Преподобный Мартиниан, гордость Кесари Палестинской, он славен своими подвигами во имя Бога. И ещё он имеет благодатный дар исцелять людей. Живёт в пустыне, недалеко от города. Он вылечил моего сына, – сурово молвил Гавриэль, с укором глядя на кокетку.

Но разгорячённая Зоя не унималась:

– Я не знаю мужчины, способного устоять передо мной. Я готова биться об заклад, что соблазню его.

Гости встали с мест, приветствуя вызов хозяйки. И только немногие отвернулись, эти слова Зои вызвали их гнев. Праздник подходил к концу, гости покидали гостеприимный дом. В ту ночь молодой Михаэль остался в доме красавицы. Рано утром Зоя быстро оделась и отправилась в дом к старой гадалке, на соседнюю улицу. Её никак не оставляли мысли об увиденном накануне сне.

Геула

Старая Геула встала ни свет ни заря, как многие люди в её возрасте. Она жила в большом светлом доме в центре Вифлеема с младшей дочерью и внуками. Геула неспешно готовила еду во дворе. Это был цимес, блюдо было почти готово,

оставалось только добавить чернослив и изюм. Геула вздрогнула, услышав громкий стук в ворота своего дома. Но быстро успокоилась и побежала открывать двери незваному гостю.

– Кто здесь? – тревожно спросила гадалка.

– Не бойся, это я, твоя Зоя. Открой мне, – ответил ей нежный голосок. Геула с радостью распахнула дверь.

– Ты стала ещё прекраснее, совсем большая. А я помню тебя крошкой. Как жаль, что твоя бедная мама не видит тебя сейчас, – приговаривала гадалка, ласково глядя девушку. Зоя любила Геулу всем сердцем. Гадалка помогала бедной матери Зои растить дочь. Кармель, так звали маму Зои. Она рано потеряла мужа и осталась совсем без средств, одна, с маленькой дочкой на руках. Кармель занималась подённой работой, но никак не могла свести концы с концами. Дочь свою она оставляла с детьми Геулы, и девочка привыкла к ним, как к братьям и сёстрам. Зоя всегда была сыта и одета благодаря доброте Геулы и любила её необыкновенно. Гадалку ещё тогда, когда Зоя была совсем маленькой, поразила необыкновенная красота девочки. Но самое главное, она очень давно знала, что эта крошка избрана Богом для некого высокого замысла.

Кармель прожила совсем короткую жизнь, она заболела от тоски по мужу, её даже не радовала красавица-дочь. Да и непосильный труд сломил её. Она недолго болела...

Зоя осталась на попечении семьи Геулы, ей тогда исполнилось только десять лет. В пятнадцать лет Зоя превратилась

в совершенную красавицу. И тогда к ней посватался старый Акива. Геула уговаривала Зою выйти замуж за него, но та была непреклонна. Акива был небогат, у него была только одна служанка. Да и его две лавки не приносили больших доходов. Зое же хотелось всего, роскошный дом, наполненный слугами, дорогие украшения и одежду из тонкого шёлка. Её выбор пал на Натана, самого богатого человека Вифлеема. Она стала его любовницей и он выполнил все условия своей юной возлюбленной. И Зоя поселилась в своём огромном доме в центре города. Геула горевала о выборе своей любимицы, но не пошла против воли Зои. Порядочные женщины Вифлеема презирали Зою, отворачивались от неё и плевали ей вслед. Но мужчины, многие из которых были их мужья, боготворили её. Зоя баловала старую Геулу, свою приёмную мать, деньгами и дорогими подарками, она одевала и обувала своих приёмных сестёр. Зоя имела доброе и благодарное сердце. Но свою любовь к людям она прятала очень далеко, в самые дальние тайники своего сердца. И только старая гадалка знала, что Зоя отдаст всё своё богатство и даже жизнь за Геулу и её семью. Зоя обнимала гадалку, смотря на неё с нежностью и заботой:

– Я принесла тебе деньги на свадьбу твоей внучки. Возьми, это от души. Я хочу, чтобы Эстер была счастлива и запомнила свою свадьбу на всю жизнь. Она любит своего будущего мужа?

Геула кивнула в ответ:

– Я знаю это, вижу, как сияют её глаза. Она спит? Хотела бы увидеть её и обнять. Рядом с Эстер я тоже начинаю себя чувствовать счастливой, – продолжала Зоя.

– Разве ты не счастлива, моя девочка? Ты красива и богата. Геула внимательно смотрела в глаза Зои.

– Нет, я несчастлива, моя Геула. Печаль поедает меня изнутри. Я не радуюсь больше моей власти над мужчинами, мне скучно перебирать мои драгоценности. Вот кольцо с изумрудом, его купил мне вчера мой любовник. Но я любила им одну только ночь. Возьми его и подари Эстер от меня на свадьбу. Не бойся, этот подарок от чистого сердца. Вы моя семья, для кого все мои богатства? Всё достанется твоим детям.

Я не знаю, почему. Но уверена, что не найду счастья в этой жизни. Только сейчас я стала задумываться, зачем мне Бог подарил жизнь. И потом, этот странный сон. Мне снилось, что вся моя комната наполнилась птицами, похожими на соловьёв, я ловлю их и не могу поймать. Но одна птица затрепетала в моей руке, и я почувствовала, как бьётся её маленькое сердечко. Птицы исчезли вдруг, и комната осветилась вся светом, таким ярким, но он не слепил и не грел... Этот свет вызвал мой восторг. И из света соткалась фигура мужчины, и не то чтобы он огромен был, но я себе песчинкой показалась. Ничего он не говорил мне, только смотрел, и взгляд его длился то ли один миг, то ли всю мою жизнь. Но так мне хорошо сделалось, как будто меня увидели и при-

звали. Скажи мне, что делать?

А тут ещё этот спор. Сегодня еду посмотреть на Мартиниана. И Михаэль меня будет сопровождать.

Старая Геула внимательно выслушала свою любимицу. Затем, нежно глядя по волосам, произнесла:

– Не бойся, моя хорошая. Вот и сбывается твоя судьба. А я уже отчаялась ждать этого дня. Это Бог тебя призывает на служение.

– Какой Бог? Геула, мама. Я грешница. И еду с плохими мыслями.

– Готовься к встрече с Мартинианом. Пути Господа нашего неисповедимы.

Путники

Зоя спешила домой, она почти бежала. Старая Геула, её приёмная мать, утешила её немного. Но сердце всё время ныло от какой-то непонятной тоски.

Придя в свой дом, Зоя отдала распоряжение не беспокоить её. Она позвала только свою любимую служанку Дину и велела ей принести тёплый старый плащ, причём добавила, что одежда эта должна быть бедной и ветхой. Дина удивилась, но не посмела спросить хозяйку о назначении такого наряда.

– И ты придёшь ко мне вечером, когда стемнеет, чтобы помочь одеться к свиданию. Принеси мне моё любимое белое платье, вышитое золотом и украшения из бирюзы. И никому

в доме ни слова, проболтаешься, накажу. Не делай удивлённое лицо.

– Я никогда не подведу тебя, – ответила служанка с улыбкой. Дина была старше хозяйки всего лишь на десять лет. Но относилась к ней с материнской нежностью. Несколько лет назад Зоя спасла семью Дины от позора. Она выкупила все долги их и дала работу в своём доме.

Когда солнце ушло за горизонт и на улицах города стемнело, к дому Зои подъехал всадник. Он был на, вороном коне, под уздцы он вёл белую лошадь.

Из дома вышла женщина, закутанная с ног до головы в старый нищенский плащ.

– Михаэль, помоги мне взобраться на лошадь. Ну что ты медлишь? Это я, Зоя, – раздался нежный и властный голос возлюбленной Михаэля. Он торопливо спрыгнул с лошади, поднял Зою на руки и стал усаживать свою драгоценную ношу на белую кобылу.

– Какой ты неловкий, Михаэль, – ворчала недовольно красавица. Из дома неожиданно вышла Дина. Она припала к ногам Зои и тихо запричитала:

– Я увижу тебя, моя хозяйка? Сердце моё полно тоски.

– Не плачь, Дина, я не оставлю тебя без моей заботы. Смотри за домом. Ты за старшую остаёшься. Зоя кивнула Михаэлю, они тронулись, путники направлялись к жилищу Мартиниана. Зоя и Михаэль продвигались по городу медленно, внимательно вглядывались в лица людей, они рассматри-

вали дома горожан, лавки, харчевни...

Вот показался дом Геулы.

– Мама, наверное, ещё не спит, всё хлопочет, – с нежностью подумала Зоя. Воспоминания детства нахлынули на неё. И такая печаль охватила. Подобные чувства возникали в ней всегда перед прощанием с любимыми людьми. Но она справилась с собой, отвернулась от дома и продолжала свой путь.

Они миновали городские ворота, оказавшись в старых садах Вифлеема. Вечер был ясный, свежий ветер с востока принёс долгожданную прохладу. Деревья выделялись тёмными силуэтами на фоне звёздного неба. Звёзд на небосводе высыпало такое количество, что кружилась голова при взгляде на них.

Михаэль остановил лошадь, спрыгнул с неё. Затем подошёл к Зое и обнял её колени.

– Нет, Михаэль, не сейчас. В путь, – сказала она, пристально вглядываясь в его лицо. Михаэль нехотя уселся на свою лошадь, они продолжали своё шествие по ночному саду под яркими звёздами. Вот и сады остались позади, два одиноких всадника шествовали по пустыне.

– Михаэль, что за звезда светит так ярко? – спросила Зоя.

– Её называют звездой Бетельгейзе. Она одна из самых ярких на ночном небе. Посмотри, она красная, – молвил Михаэль и пустился в рассказ о звёздах. Он долго и вдохновенно говорил своей возлюбленной о далёких светилах, о их путях.

– Я ничего не знаю о тебе, Михаэль, как много ты знаешь. Как красиво и складно ты говоришь. А я только немного умею писать и читать благодаря Геуле. Я ничего не знаю о мире.

– Мы приехали, как быстро летит время с тобой. Я не успел насладиться нашей прогулкой, – неожиданно молвил Михаэль. Путники увидели скромную хижину и горящий костёр недалеке от неё.

– Ты должен меня оставить на время здесь. Завтра, на рассвете, ты придёшь за мной, – сказала она голосом госпожи.

Михаэль бережно снял Зою с лошади, затем запрыгнул на своего коня, чёрного, как вороново крыло, и не оглядываясь поскакал прочь от этого места.

– Какой горячий! – усмехнулась Зоя. И медленно, закутываясь в свой ветхий плащ, она пошла к жилищу Мартиниана.

У костра, присев на корточки, сидел мужчина. Он увидел путницу не сразу. Но вдруг неожиданно поднялся во весь рост, почувствовав присутствие гостыи. Мартиниан был очень высок ростом. Имел светлые кудрявые волосы, слегка тронутые сединой. Черты лица его были правильные и гармоничные. Но Зою поразили его глаза, необыкновенно светлые и кроткие. Она не могла оторваться от них. Никогда ни один мужчина не вызывал такой восторг в ней, как Мартиниан.

– Такими бывают ангелы, – подумала она и продолжила свой обман.

– Я одинокая путница. И прошу быть милосердным ко мне. Мне страшно одной на тёмной дороге. Не мог бы ты дать мне кров и немного хлеба в эту ночь?

– Садись у костра, путница, утоли свою жажду и голод. Ты можешь положиться на мою помощь и защиту, – сказал Мартиниан. Зоя расположилась у костра, кутаясь в свой нищенский плащ. Она стала рассказывать Мартиниану о своём сиротском детстве, о Геуле и сестрах.

Он внимательно слушал, смотря своими светлыми глазами на Зою. Она вся согрелась от этого взгляда, ей давно так хорошо не было в обществе человека. Но ещё одно чувство поразило её. Она никогда так сильно не желала мужчину. Неожиданно для себя она поднялась и скинула свой плащ. Зоя сняла гребень и потрянула своими золотисто-рыжими кудрями и они заструились до самой земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.